

СОЛЖЕНИЦЫН ВОЗВРАЩАЕТСЯ

На вопросы «Известий» отвечает из Вермонта (США) Наталья Дмитриевна СОЛЖЕНИЦЫНА.
Смотрите стр. 5.

Фото Екатерины СВЕТЛОВОЙ.

Солженицын А.И.

№ 92

В мае, после 20-летнего изгнания, Александр Исаевич Солженицын и его жена Наталья Дмитриевна возвращаются в Москву. Накануне встречи с Россией «Известия» попросили семью писателя рассказать, как проходят сборы, о чем думают и волнуются, какие строят планы. Солженицын никогда интервью о домашней своей жизни не давал и не дает, а жене об этом рассказать естественно. «Да, я уполномочена своей семьей говорить от ее имени», — сказала, ответив на звонок из Москвы, Наталья Дмитриевна. Затем она ответила по телефону на вопросы корреспондента «Известий» Александра Аничкина.

— Двадцать лет, если считать с того февраля, когда Солженицын выехали из страны, — огромная часть жизни, связанная у вас с Америкой, с Вермонтом. Как бы ни чувствовал себя человек связанным со своей Родиной, все равно он обрывает дружбы, знакомыми, просто вещами. И вот сейчас — возвращение. С какими чувствами вы расстаетесь со страной, где прожили все эти годы? Какие чувства испытываете сейчас, перед самым возвращением в страну, которая ждет теперь вас?

— Первые два с половиной года после нашей высылки мы прожили в Европе, а не в Америке. Надо сказать, что этот первый период оставил очень глубокий след в нашей жизни. Так случилось, что наиболее близкие, наиболее тесные и значительные дружбы, которые за эти двадцать лет у нас возникли, — это дружбы как раз с европейцами, а не с американцами. Так что эти двадцать лет не целиком связаны с Америкой. Честно сказать, в Европе мы и всегда чувствовали себя более дома, чем в Америке, во всяком случае в европейских городах мы чувствовали себя совсем дома, чего нельзя сказать о больших городах Америки. Америка — это для нас Вермонт. Это уже совсем другое дело. Вермонт — штат не очень типичный для Америки, штат бедный, населенный людьми очень достойными, гордыми, хранящими много традиций, которые высоко достойны уважения. Это — часть Новой Англии. Мы прожили рядом с этими людьми очень хорошие восемнадцать лет. Кроме того, это изумительно красивый штат. Тут мы нашли много хороших друзей, и к Вермонту у нас самые теплые чувства. Трудно сказать, будем ли мы скучать по Вермонту, но мы уезжаем с чувством большой благодарности. Здесь выросли и учились наши дети. Здесь у нас остается много друзей, с которыми мы рассчитываем поддерживать связь.

Что касается Америки в целом, то надо сказать, что жизнь здесь для нас была полезной, потому что, живя здесь, мы вынесли много уроков. Уроков на будущее. Это уроки и для будущего России — и негативные, и позитивные. Мы сделали много выводов о том, что хотелось бы воспринять в России и чего очень не хотелось бы для России — что было бы не полезно и неогранично в России.

Что касается возврата на Родину, то самое сильное чувство, которое мы испытываем, — это боль за то состояние, в котором она сейчас находится. Эта боль, она превалирует над всеми остальными чувствами. Вот ее мы испытываем постоянно и остро... Но состояние страны — оставим это Александру Исаевичу. После возвращения он не будет избегать общения с прессой, его будут много спрашивать, и оставим это ему.

— Что из вещей, окружающих вас, берете с собой в Москву и что оставляете? За годы жизни человек обрывает вещами, которые, даже пустяки, приобретают самостоятельную ценность, даже одушевленность. Что будет с домом, наконец? Останутся ли в нем ваши дети? Где будут жить ваши сыновья?

— Да, всякий переезд труден и душевно, и даже физически. Сейчас мы все целиком занимаемся тем, что пакуем коробки, и Александр Исаевич пакует те книги, те бумаги, о которых только он может решить, берет он их или нет. Главным образом, мы берем не вещи, а книги и архив — в них наша жизнь. Запакуют книги и архива пока уже больше чем четирыста коробок. Кроме того, мы, естественно, берем личные вещи. Но мебель, например, мы не берем никакую, несмотря на то, что есть вещи, к которым мы очень привыкли, которые полюбились. Но невозможно тащить из Америки такой хвост. И невозможно пытаться создать на новом месте такое же гнездо, какое было, так не бывает. Нужно уметь расставаться с вещами, вещи — это не то, ради чего мы живем. Так что фактически мы возем книги, архив и кое-что из домашней утвари. Ничего крупного, кроме письменного стола Александра Исаевича. Письменного стола и еще отдельной столешницы — широкой такой доски, к которому он очень привык.

Дом пока мы оставляем нашим сыновьям. Это единственное, что у них есть в этой стране.

вой нашего старшего сына Дмитрия. Он умер внезапно, от сердечного приступа, в марте.

— Примите запоздало наши соболезнования.

— Спасибо. Вот маленькая внучка, невестка и наши сыновья будут часто бывать здесь. Если в будущем дом не будет им нужен, а мы надеемся, что когда-то они переедут в Рос-

самим, ни хранить архив. В будущем мы обязательно перевезем весь архив.

— Этот архив ведь широко использован в «Красном колесе». Говорили, что Александр Исаевич вернется в Россию только после того, как будет закончена работа над этой исторической эпопеей. И вот вы возвращаетесь. Значит ли это, что роман закончен?

— Да, «Красное колесо» не только закончено, но и уже целиком опубликовано по-русски в издательстве ИМКА — Пресс в Париже, а сейчас переиздается фототипическим способом в «Воениздате». В России уже вышло шесть томов из десяти.

— Обсуждаете ли вы в

тате. Разве вы не видите, что страна еще не изменилась настолько? И еще так говорили: «Вы нам нужны, нам нужны ваши книги. Россия — там, где вы живете, оставьте там и пишите, а здесь и вообще опасно, а вам особенно».

А иные не отговаривали, но так удивлялись, что можно было понять: они считают нас сумасшедшими. Так и говорили: «Неужели вы это серьезно?»

Мы им не возражали и не спорили. Нам это решение не нужно было обсуждать — мы никогда не колебались. Александр Исаевич всегда предчувствовал, что возврат станет возможным еще при его жизни. Он в это верил всегда, и мы в семье разделяли эту веру. У нас не было такого момента, когда

езду не может быть закончен.

— Но что же случилось? — Там еще тьма работы, и абсолютно неизвестно, кто его будет кончать и когда. Кстати, совершенно неверны сообщения в прессе, о том, что якобы правительство нам что-то подарило и строит дом. Строим мы полностью все за свой счет, участок нам не подарили, а предоставили в пользование.

Дело в том, что здесь в Вермонте, у нас два дома. Один — старый, деревянный, который мы купили, когда решили переехать сюда. Другой, буквально в двух шагах от первого, каменный, который мы построили, специально имея в виду наш не по дням, а по часам разрастающийся архив. Мы построили его для архива, для библиотеки и для работы. Там

кажется, испробовано, то единственная надежда только на внутренние силы, на то здоровое, что есть внутри организма, в нем самом, — то, что только и способно победить болезнь.

— Невозможно жить в России и оставаться в стороне от острых политических споров, мучительных поисков пути твоей страны. Так же ли занимает вас сейчас вопрос о том, как обустроить Россию, так же ли будет занимать после того, как вы вернетесь?

— Александр Исаевич только этот вопрос сейчас и занимает. Он и не собирается оставаться в стороне. И после возвращения никак не меньше будет занимать нас этот вопрос.

— Как вы видите участие писателя Солженицына в литературной жизни России?

— Мы все, кто его любит, надеемся — да это так и будет, что он останется прежде всего писателем. Как я уже теперь вижу, писать он будет продолжать до самого своего земного конца. И это главное. Что же касается его участия в литературной жизни России, то это для него, надо сказать, не что совершенно новое. До изгнания из России никто его в «литературную жизнь» не приглашал. Вы помните, подзаголовок книги «Бодасе теленок с дубом» как раз такой: «Очерки литературной жизни». Сказано это исключительно иронично. Какая уж там литературная жизнь, это была борьба от начала до конца. Ну а в Америке, естественно, в американской писательской жизни он не участвовал, сидел и работал над «Красным колесом». Поэтому участие в писательской общественной жизни — это совершенно неизведанное поле, ничего не могу сказать по этому поводу.

— Как вы представляете себе состояние свободы слова, положение печати в сегодняшней России? Какие издания хотели бы выпустить, вернувшись в страну?

— Это серьезный вопрос. Как нам видно отсюда, состояние свободы слова еще не достигнуто в полной мере в сегодняшней России. Печать остается во многом зависимой — одни зависят от государственных субсидий, потому что газеты не могут себя окупать при нынешнем положении населения и экономики, другие зависят от помощи новых финансовых гигантов.

Но не только в этом дело, дело еще в самих журналистах. Даже здесь, на Западе, свобода слова — это не перманентное состояние, в котором пресса пребывает, а это стремление к некоему идеалу, процесс, который даже здесь, в Америке, проходит трудно, со сбоями. Вообще свобода слова — это не состояние, а процесс.

Что касается России, здесь, еще не вполне достигнув свободы слова, вполне зато достигли свободы разнузданности. Понятно, что это болезнь переходного периода, но все же огорчительно. Александр Исаевич в ходе работы над «Красным колесом» очень хорошо познакомился с предреволюционной российской прессой. Это был период блестящего расцвета русского журнализма. В обществе тогда, как вы знаете, был невероятный накал несогласия. В огромной мере именно это несогласие привело к кровавой революции. Были люди, готовые, наверное, друг друга убить. Но Александр Исаевич, познакомившись практически со всеми изданиями того периода, пришел к выводу, что никогда самые острые противники, даже те, которые были на крайних полюсах споров, не допускали ничего подобного тому, что допускают сегодня почти все газеты в России, в том числе считающие себя интеллигентными изданиями.

Здесь, в Вермонте, мы видим далеко не все печатное. Сначала, когда вернемся, напишем, наверное, очень много, чтобы составить себе представление... Все читать не возможно, но поначалу будем читать и выписывать очень много — с тем, чтобы выбрать необходимое.

— В 1974 году Солженицын был лишен гражданства. Новая Россия восстановила справедливость. Какой паспорт Александр Исаевич предьявит российскому пограничнику в Москве?

— Российский. Он у него уже есть, и это единственный его паспорт. Все эти годы изгнания у него не было никакого паспорта, он был человек без гражданства. А теперь он обратился в российское посольство в Вашингтоне и получил паспорт. Именно его он и предьявит пограничнику.

— Наконец, самый последний вопрос: можете ли вы назвать день, когда вас ждать в Москве?

— Это для нас вопрос — последний. А для нас — первый на повестке дня, и трудный: просто из чувства самосохранения мы стараемся не называть конкретные даты.

СОЛЖЕНИЦЫН ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Подмосковное Троице-Лыково. Недостроенный дом Солженицыных. Снимок сделан 17 мая.

Фото Владимира МАШАТИНА.

сию, хотя давить на них ни в ту, ни в другую сторону мы не будем, если они решат, что дом этот им не нужен, то тогда они его продадут... Наша же жизнь в этом доме закончена.

— И все же, нет ли каких-то вещей, которые совершили с вами все это большое и трудное путешествие из Москвы, через Европу, в Вермонт и теперь снова возвращаются сюда, в Россию?

— Ну, конечно есть! Как раз маленьких таких вещей немало. Да все, что мы привезли с собой из Москвы, теперь возвращается с нами. Но ведь мы и не взяли с собой почти ничего... Мы ехали: я, моя мать и четверо мальчиков — обрывалась вся жизнь. Мы на всех и на высланного прежде нас Александра Исаевича возлизили десять чемоданов, включая два чемодана пеленок. Остальные были книги, рукописи и какие-то маленькие, но дорогие памяти вещи. Конечно, каждую такую вещь мы берем теперь обратно, здесь, ясно, не бросаем. Мне даже трудно выделить какую-то одну! Ну, вот, например, пропуществовала с нами и в изгнании старая пишущая машинка Александра Исаевича, он на ней постоянно работает вот уже 35 лет. Впрочем, пишет он от руки, на машинке — только письма печатает. Едет с нами обратно.

— Вы упомянули об архиве. Что будет с архивом Солженицына?

— Что касается архива, то наш план всегда был и сейчас он остается неизменным: весь архив Александра Исаевича должен быть на Родине. Нам предлагали многие американские университеты оставить архив им или хотя бы часть архива. Но мы решили, что этот архив должен принадлежать России. Однако здесь возникли существенные трудности технического порядка. Мы возем с собой большую часть архива, но не весь. Беда в том, что мы строили подмосковный дом, рассчитанный в большей сте-

семье бытовые трудности, которые, естественно, испытывает каждый живущий в России человек! Как вы намерены их решать?

— Ну, конечно же. Правда, больше я это обсуждаю со своей матерью, но и с Александром Исаевичем мы об этом говорим и много на этот счет знаем — и из рассказов, и из газет, а также из моего личного опыта. Александр Исаевич не был еще в России, а я уже была несколько раз и видела своими глазами и находила, что раз от разу происходят существенные изменения, к сожалению, пока все время к худшему, хотя есть и положительные.

Как мы будем решать трудности? Если бы я заранее знала как, то было бы очень просто. Не знаю. Но, к счастью, у нас есть много добрых и верных друзей, сохранившихся с прежних лет. Мы думаем держаться за их руку, слушаться их советов.

— Хорошо, когда есть друзья, которые могут ждать двадцать лет...

— Да, это самое ценное, что есть в жизни, когда есть такие друзья. И у нас они есть.

— Не отговаривали ли вас дети, друзья от решения вернуться на Родину? Спорили вы с ними, горячо ли, долго? Какие аргументы они приводили, что вы им возражали?

— Дети нет, никогда. Наоборот, они выросли с сознанием того, что этот день когда-то придет, что Россия станет свободной и мы туда вернемся. Они всегда очень поддерживали нашу решимость.

Что касается друзей, то тут нужно разделить. Те, кто лично знал Александра Исаевича прежде, нет, не отговаривали, но все выражали и продолжают выражать большую тревогу: как ему будет в России. Все уверены, что будет очень трудно. Что же касается друзей заочных или просто наших корреспондентов, людей, пишущих нам письма, а пишут

мы это решение приняли. Когда нас изгоняли, мы уезжали со знанием, что мы вернемся, что наше место в России. Теперь, когда возможность вернуться для нас реально наступила, мы и возвращаемся.

У каждого человека своя судьба, у каждой судьбы — своя траектория, линия. Естественно, что траектория судьбы Александра Исаевича должна завершиться в России. Это вовсе не значит, что мы не видим сложности жизни в России сейчас или смотрим сквозь розовые очки. Нисколько. Мы совершенно ясно понимаем, как трудно живется большинству людей, какие конвульсии переживает страна, и хорошо понимаем, что нас тоже ждут огромные трудности.

Но мы возвращаемся и возвращаемся навсегда.

— Как вы планируете провести первое время, первые дни, недели, месяцы после возвращения в Москву, когда вы окунетесь в родную, но, может быть, чужую атмосферу? Сейчас здесь строят много предположений, домыслов, даже выстраивают «сценарии» того, что ожидает Солженицыных после возвращения в Москву.

— Мы планируем тут же, не откладывая, много ездить по стране. Встречаться с самыми разными людьми. Александр Исаевич хочет своими глазами увидеть, как изменилась страна, своими ушами услышать, что думают и говорят люди.

— Собираетесь ли вы побывать в Рязани, например, где многие помнят и уважают школьного учителя Александра Исаевича Солженицына?

— Да, Александр Исаевич непременно собирается побывать в Рязани.

— А после путешествий... У каждого человека, в каждой семье свой стиль жизни, общения. Александр Исаевича называли в годы изгнания «затворни-

Александр Исаевич всегда и работал, там накапливался архив. По образцу этого дома мы решили построить и в России дом как бы из двух крыльев под одной крышей: в одном жить, в другом работать. При чем мы имели в виду не только свою работу, но и работу других людей. Так, чтобы в этом помещении люди, связанные с нами, но работающие независимо, не для нас, могли бы получить возможность пользоваться нашим архивом, работать с ним. Это был бы небольшой частный исследовательский центр.

И мы поплатились за это. Во время строительства были сделаны большие ошибки: только что поставленная крыша потекла, и не в одном-двух местах, а сразу целиком. Строители не сделали целый ряд вентиляционных каналов в стенах, так что теперь очень трудно будет это исправлять. В подвале сыро, не сделана гидроизоляция, и сейчас туда нельзя везти бумаги. В сыром помещении они быстро и полностью погибнут. Короче говоря, дом совершенно не готов. В конце января, когда крыша текла, мы все работы прекратили, только заново перекрыли крышу. Но жить там все равно еще долго будет нельзя.

— И где же тогда вы будете жить?

— Скорее всего, жить мы будем в городе. У нас есть такая возможность, я купила в 1992 году квартиру. Попробуем, по крайней мере, жить там. Надо сказать, что Александр Исаевич никогда не жил в большом городе (в Москве ему жить не давали). Он привык к тишине, к лесу вермонтскому, так что, неизвестно, может быть, придется временно принять предложение кого-то из друзей...

— Сейчас, пожалуй, утрачена вера, моральных ориентиров и авторитетов — это одна из самых больших проблем нашей страны, вы это хорошо себе представляете. Как вы счи-

В мае, после 20-летнего изгнания, Александр Исаевич Солженицын и его жена Наталья Дмитриевна возвращаются в Москву. Накануне встречи с Россией «Известия» попросили семью писателя рассказать, как проходят сборы, о чем думают и волнуются, какие строят планы. Солженицын никогда интервью о домашней своей жизни не давал и не дает, а жене об этом рассказывать естественно. «Да, я уполномочена своей семьей говорить от ее имени», — сказала, отвечая на звонок из Москвы, Наталья Дмитриевна. Затем она ответила по телефону на вопросы корреспондента «Известий» Александра Аничкина.

— Двадцать лет, если считать с того февраля, когда Солженицына выслали из страны, — огромная часть жизни, связанная у вас с Америкой, с Вермонтом. Как бы ни чувствовал себя человек связанным со своей Родиной, все равно он обрывается друзьями, знакомыми, просто вещами. И вот сейчас — возвращение. С какими чувствами вы расстаетесь со страной, где жили все эти годы? Какие чувства испытываете сейчас, перед самым возвращением в страну, которая ждет теперь вас?

— Первые два с половиной года после нашей высылки мы прожили в Европе, а не в Америке. Надо сказать, что этот первый период оставил очень глубокий след в нашей жизни. Так случилось, что наиболее близкие, наиболее тесные и значительные дружбы, которые за эти двадцать лет у нас возникли, — это дружбы как раз с европейцами, а не с американцами. Так что эти двадцать лет не целиком связаны с Америкой. Честно сказать, в Европе мы и всегда чувствовали себя более дома, чем в Америке, во всяком случае в европейских городах мы чувствовали себя совсем дома, чего нельзя сказать о больших городах Америки. Америка — это для нас Вермонт. Это уже совсем другое дело. Вермонт — штат не очень типичный для Америки, штат бедный, населенный людьми очень достойными, гордыми, хранящими много традиций, которые высоко достойны уважения. Это — часть Новой Англии. Мы прожили рядом с этими людьми очень хорошие восемнадцать лет. Кроме того, это изумительно красивый штат. Тут мы нашли много хороших друзей, и к Вермонту у нас самые теплые чувства. Трудно сказать, будем ли мы скучать по Вермонту, но мы уезжаем с чувством большой благодарности. Здесь выросли и учились наши дети. Здесь у нас остается много друзей, с которыми мы рассчитываем поддерживать связь.

Что касается Америки в целом, то надо сказать, что жизнь здесь для нас была полезной, потому что, живя здесь, мы вынесли много уроков. Уроков на будущее. Это уроки и для будущего России — и негативные, и позитивные. Мы сделали много выводов о том, что хотелось бы воспринять в России и чего очень не хотелось бы для России — что было бы не полезно и неорганично в России.

Что касается возврата на Родину, то самое сильное чувство, которое мы испытываем, — это боль за то состояние, в котором она сейчас находится. Эта боль, она превалирует над всеми остальными чувствами. Вот ее мы испытываем постоянно и остро... Но состояние страны — оставим это Александру Исаевичу. После возвращения он не будет избегать общения с прессой, его будут много спрашивать, и оставим это ему.

— Что из вещей, окружающих вас, берете с собой в Москву и что оставляете? За годы жизни человек обрывает вещами, которые, даже пустяки, приобретают самостоятельную ценность, даже одушевленность. Что будет с домом, наконец? Останутся ли в нем ваши дети? Где будут жить ваши сыновья?

— Да, всякий переезд труден и душевно, и даже физически. Сейчас мы все целыми днями занимаемся тем, что пакуем коробки, и Александр Исаевич пакует те книги, те бумаги, о которых только он может решить, берет он их или нет. Главным образом, мы берем не вещи, а книги и архив — в них наша жизнь. Запакуют книги и архива пока уже больше чем четыреста коробок. Кроме того, мы, естественно, берем личные вещи. Но мебель, например, мы не берем никакой, несмотря на то, что есть вещи, к которым мы очень привыкли, которые полюбились. Но невозможно тащить из Америки такой хвост. И невозможно попытаться создать на новом месте такое же гнездо, какое было, так не бывает. Нужно уметь расставаться с вещами, вещи — это не то, ради чего мы живем. Так что фактически мы ведем книги, архив и кое-что из домашней утвари. Ничего крупного, кроме письменного стола Александра Исаевича. Письменный стол и еще отдельной столешницы — широкой такой доской, к которым он очень привык.

Дом пока мы оставляем нашим сыновьям. Это единственное, что у них есть в этой стране и вообще на Западе. Они — студенты и живут в общежитиях или снимают комнаты. Пока только это место они могут назвать своим отчим домом. Самому младшему Степану было только пять месяцев, когда нас выслали из Союза, и трех лет еще не было, когда мы приехали в Вермонт, — в этом доме они выросли. В прошлом году Ермолай, окончив Гарвард, уехал на Тайвань, он синолог. Игнат — в консерватории в Филадельфии. Степан — в Бостоне, на третьем курсе Гарвардского университета, он занимается градостроительством, городским планированием. Всех разбросало, но в этом доме они будут собираться... Еще здесь подолгу будет жить моя крошечная внучка Таня со своей мамой — вдо-

самим, ни хранить архив. В будущем мы обязательно перевезем весь архив.

— Этот архив ведь широко использован в «Красном колесе». Говорили, что Александр Исаевич вернется в Россию только после того, как будет закончена работа над этой исторической эпопеей. И вот вы возвращаетесь. Значит ли это, что роман закончен?

— Да, «Красное колесо» не только закончено, но и уже целиком опубликовано по-русски в издательстве ИМКА — Пресс в Париже, а сейчас переиздается фототипическим способом в «Воениздате». В России уже вышло шесть томов из десяти.

— Обсуждаете ли вы в

тате. Разве вы не видите, что страна еще не изменилась полностью? И еще так говорили: «Вам нужны, нам нужны ваши книги. Россия — там, где вы живете, оставайтесь там и пишите, а здесь и вообще опасно, а вам особенно».

А иные не отговаривали, но так удивлялись, что можно было понять: они считают нас сумасшедшими. Так и говорили: «Неужели вы это серьезно?»

Мы им не возражали и не спорили. Нам это решение не нужно было обсуждать — мы никогда не колебались. Александр Исаевич всегда предчувствовал, что возврат станет возможен еще при его жизни. Он в это верил всегда, и мы в семье разделяли эту веру. У нас не было такого момента, когда

езду не может быть закончен.

— Но что же случилось?

— Там еще тьма работы, и абсолютно неизвестно, кто его будет кончать и когда. Кстати, совершенно неверны сообщения в прессе, о том, что якобы правительство нам что-то подарило и строит дом. Строим мы полностью все за свой счет, участок нам не подарили, а предоставили в пользование.

Дело в том, что здесь в Вермонте, у нас два дома. Один — старый, деревянный, который мы купили, когда решили переехать сюда. Другой, буквально в двух шагах от первого, каменный, который мы построили, специально имея в виду наш не по дням, а по часам разрастающийся архив. Мы построили его для архива, для библиотеки и для работы. Там

кажется, испробовано, то единственная надежда только на внутренние силы, на то здоровое, что есть внутри организма, в нем самом, — то, что только и способно победить болезнь.

— Невозможно жить в России и оставаться в стороне от острых политических споров, мучительных поисков пути твоей страны. Так же ли занимает вас сейчас вопрос о том, как обустроить Россию, так же ли будет занимать после того, как вы вернетесь?

— Александра Исаевича только этот вопрос сейчас и занимает. Он и не собирается оставаться в стороне. И после возвращения никак не меньше будет занимать нас этот вопрос.

— Как вы видите участие писателя Солженицына в литературной жизни России?

— Мы все, кто его любит, надемся — да это так и будет, что он останется прежде всего писателем. Как я уже теперь вижу, писать он будет продолжать до самого своего земного конца. И это главное. Что же касается его участия в литературной жизни России, то это для него, надо сказать, не что совершенно новое. До изгнания из России никто его в «литературную жизнь» не приглашал. Вы помните, подзаголовок книги «Бодалас теленок с дубом» как раз такой: «Очерки литературной жизни». Сказано это исключительно иронично. Какая уж там литературная жизнь, это была борьба от начала до конца. Ну а в Америке, естественно, в американской писательской жизни он не участвовал, сидел и работал над «Красным колесом». Поэтому участие в писательской общественной жизни — это совершенно неизведанное поле, ничего не могу сказать по этому поводу.

— Как вы представляете себе состояние свободы слова, положение печати в сегодняшней России? Какие издания хотели бы выпустить, вернувшись в страну?

— Это серьезный вопрос. Как нам видно отсюда, состояние свободы слова еще не достигнуто в полной мере в сегодняшней России. Печать остается во многом зависимой — одни зависят от государственных субсидий, потому что газеты не могут себя окупать при нынешнем положении населения и экономики, другие зависят от помощи новых финансовых гигантов.

Но не только в этом дело, дело еще в самих журналистах. Даже здесь, на Западе, свобода слова — это не перманентное состояние, в котором пресса пребывает, а это стремление к некоему идеалу, процесс, который даже здесь, в Америке, проходит трудно, со сбоями. Вообще свобода слова — это не состояние, а процесс.

Что касается России, здесь, еще не вполне достигнув свободы слова, вполне зато достигли свободы разнузданности. Понятно, что это болезнь переходного периода, но все же огорчительно. Александр Исаевич в ходе работы над «Красным колесом» очень хорошо познакомился с предреволюционной российской прессой. Это был период блестящего расцвета русского журнализма. В обществе тогда, как вы знаете, был невероятный накал несогласия. В огромной мере именно это несогласие привело к кровавой революции. Были люди, готовые, наверное, друг друга убить. Но Александр Исаевич, познакомившись практически со всеми изданиями того периода, пришел к выводу, что никогда самые острые противники, даже те, которые были на крайних полюсах споров, не допускали ничего подобного тому, что допускают сегодня почти все газеты в России, в том числе считающие себя интеллигентными изданиями.

Здесь, в Вермонте, мы видим далеко не все печатное. Сначала, когда вернемся, напишем, наверное, очень многое, чтобы составить себе представление... Все читать невозможно, но поначалу будем читать и высказывать очень многое — с тем, чтобы выбрать необходимое.

— В 1974 году Солженицын был лишен гражданства. Новая Россия восстановила справедливость. Какой паспорт Александр Исаевич предъявит российскому пограничнику в Москве?

— Российский. Он у него уже есть, и это единственный его паспорт. Все эти годы изгнания у него не было никакого паспорта, он был человек без гражданства. А теперь он обратился в российское посольство в Вашингтоне и получил паспорт. Именно его он и предъявит пограничнику.

— Наконец, самый последний вопрос: можете ли вы назвать день, когда вас ждуть в Москве?

— Это для нас вопрос — последний. А для нас — первый на повестке дня, и трудный: просто из чувства самосохранения мы стараемся не называть пока этот день. Когда Александра Исаевича выслали насильно из Москвы и он вышел из самолета, — не знал и где, оказалось — Франкфурт-на-Майне, — его встречали сотни журналистов. Это был трудный момент. Когда мы переехали из Швейцарии в Америку, мы сделали это тайно, тихо. Но после того, как это обнаружилось, сюда в Кендешин, в деревню, не в деревню даже — в лес, приехали 150 корреспондентов, была прямо осада. Этот опыт заставляет нас как можно дольше не называть день. Но никогда не деться, придется скоро сделать объявление. А пока, надеюсь, читатели нас поймут. Могу только повторить твердо: в этом месяце, в мае, мы будем уже на Родине.

СОЛЖЕНИЦЫН ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Подмосковное Троице-Лыково. Недостроенный дом Солженицыных. Снимок сделан 17 мая.

Фото Владимира МАШАТИНА.

сию, хотя давить на них ни в ту, ни в другую сторону мы не будем, если они решат, что дом этот им не нужен, то тогда они его продадут... Наша же жизнь в этом доме закончена.

— И все же, нет ли каких-то вещей, которые сохранились с вами все это большое и трудное путешествие из Москвы, через Европу, в Вермонт и теперь снова возвращаются сюда, в Россию?

— Ну, конечно есть! Как раз маленьких таких вещей немало. Да все, что мы привезли с собой из Москвы, теперь возвращаем с нами. Но ведь мы и не взяли с собой почти ничего... Мы ехали: я, моя мать и четверо мальчиков — обрывалась вся жизнь. Мы на всех и на высланного прежде нас Александра Исаевича везли лишь десять чемоданов, включая два чемодана пеленок. Остальные были книги, рукописи и какие-то маленькие, но дорогие памяти вещи. Конечно, каждую такую вещь мы берем теперь обратно, здесь, ясно, не бросаем. Мне даже трудно выделить какую-то одну! Ну, вот, например, пропущенная вала с нами и в изгнании старая пишущая машинка Александра Исаевича, он на ней постоянно работает вот уже 35 лет. Впрочем, пишет он от руки, на машинке — только письма печатает. Едет с нами обратно.

— Вы упомянули об архиве. Что будет с архивом Солженицына?

— Что касается архива, то наш план всегда был и сейчас он остается неизменным: весь архив Александра Исаевича должен быть на Родине. Нам предлагали многие американские университеты оставить архив или хотя бы часть архива. Но мы решили, что этот архив должен принадлежать России. Однако здесь возникли существенные трудности технического порядка. Мы ведем с собой большую часть архива, но не весь. Беда в том, что мы строили подмосковный дом, рассчитанный в большей степени на наш архив, на возможность работы с ним. Архив огромный...

— Можно представить...

— Это не только личный архив Александра Исаевича, но и общественный архив, то есть архив, который мы все эти годы собирали для России. Это мемуары русских людей, расстрелянных по всему миру, свидетелей «страшных лет России» — первой мировой войны, гражданской войны, революции, коллективизации, страшных 30-х, второй мировой войны. Это огромный архив. Вот как раз его мы сейчас целиком ведем, а личный архив мы пока не ведем, мы его отделили на временное хранение, но связанное это прежде всего с техническими трудностями. Дом не готов: в нем нельзя ни жить нам

семье бытовые трудности, которые, естественно, испытывает каждый живущий в России человек! Как вы намерены их решать?

— Ну, конечно же. Правда, больше я это обсуждаю со своей матерью, но и с Александром Исаевичем мы об этом говорим и много на этот счет знаем — и из рассказов, и из газет, а также из моего личного опыта. Александр Исаевич не был еще в России, а я уже была несколько раз и видела своими глазами и находила, что раз от разу происходят существенные изменения, к сожалению, пока все время к худшему, хотя есть и положительные.

Как мы будем решать трудности? Если бы я заранее знала, что было бы очень просто. Не знаю. Но, к счастью, у нас есть много добрых и верных друзей, сохранившихся с прежних лет. Мы думаем держаться за их руку, слушаться их советов.

— Хорошо, когда есть друзья, которые могут ждать двадцать лет...

— Да, это самое ценное, что есть в жизни, когда есть такие друзья. И у нас они есть.

— Не отговаривали ли вас дети, друзья от решения вернуться на Родину? Спорили вы с ними, горячи ли, долго? Какие аргументы они привели, что вы им возражали?

— Дети нет, никогда. Наоборот, они выросли с сознанием того, что этот день когда-то придет, что Россия станет свободной и мы туда вернемся. Они всегда очень поддерживали нашу решимость.

Что касается друзей, то тут нужно разделить. Те, кто лично знал Александра Исаевича прежде, нет, не отговаривали, но все выражали и продолжали выражать большую тревогу: как ему будет в России. Все уверены, что будет очень трудно. Что же касается друзей заочных или просто наших корреспондентов, людей, пишущих нам письма, а пишут очень много, что касается людей, с которыми я встречалась во время своих поездок в Россию за последние два года, то тут я должна сказать, что — да, отговаривали. Причем в огромной пропорции, девять к одному, ну, может быть, восемь к двум, не меньше.

— Девять — против, один — за! Вас это не удивляет?

— Да, меня это удивляло. Удивляло, что так много. Немного говорили: «Да-да, приезжайте, мы вас ждем, очень правильно, что вы так решили». Остальные говорили: «Вы что, сошли с ума? Вы понимаете, куда вы едете? Мы вас очень просим, подумайте еще раз, не возвращайтесь. Конечно, вы России нужны, но здесь вам не дадут ни жить, ни рабо-

мы это решение приняли. Когда нас изгнали, мы уезжали со знанием, что мы вернемся, что наше место в России. Теперь, когда возможность вернуться для нас реально наступила, мы и возвращаемся.

У каждого человека своя судьба, у каждой судьбы — своя траектория, линия. Естественно, что траектория судьбы Александра Исаевича должна завершиться в России. Это вовсе не значит, что мы не видим сложности жизни в России сейчас или смотрим сквозь розовые очки. Нисколько. Мы совершенно ясно понимаем, как трудно живется большинству людей, какие конвульсии переживает страна, и хорошо понимаем, что нас тоже ждут огромные трудности.

Но мы возвращаемся и возвращаемся навсегда.

— Как вы планируете провести первое время, первые дни, недели, месяцы после возвращения в Москву, когда вы окончите в родную, но, может быть, чем-то и чужую атмосферу? Сейчас здесь строят много предположений, домыслов, даже выстраивают «сценарии» того, что ожидает Солженицыных после возвращения в Москву.

— Мы планируем тут же, не откладывая, много ездить по стране. Встречаться с самыми разными людьми. Александр Исаевич хочет своими глазами увидеть, как изменилась страна, своими ушами услышать, что думают и говорят люди.

— Собираетесь ли вы побывать в Рязани, например, где многие помнят и уважают школьного учителя Александра Исаевича Солженицына?

— Да, Александр Исаевич непременно собирается побывать в Рязани.

— А после путешествий... У каждого человека, в каждой семье свой стиль жизни, общения. Александр Исаевича называли в годы изгнания «затворником из Вермонта». Не получится ли так, что по возвращении в Россию он станет «затворником из Троице-Лыково», где будет ваш дом?

— Он затворником не станет точно. Определенно нет. В его планах видеть много людей — разных возрастов, разных социальных слоев и разных профессий. Конечно, насколько хватит физических сил. Вообще наш образ жизни по сравнению с тем, какой он был здесь, в Вермонте, полностью изменится.

Правда, с огорчением личным, семейным я тут должна добавить, что пока о «затворнике» или «затворнице» о Троице-Лыково говорить еще рано. Дом, который мы начали строить не закончен и никак не образом к нашему при-

Александр Исаевич всегда и работал, там накапливался архив. По образцу этого дома мы решили построить и в России дом как бы из двух крыльев под одной крышей: в одном жить, в другом работать. Причем мы имели в виду не только свою работу, но и работу других людей. Так, чтобы в этом помещении люди, связанные с нами, но работающие независимо, не для нас, могли бы получить возможность пользоваться нашим архивом, работать с ним. Это был бы небольшой частный исследовательский центр.

И мы поспатили за это. Во время строительства были сделаны большие ошибки: только что поставленная крыша потекла, и не в одном-двух местах, а сразу целиком. Строители не сделали целый ряд вентиляционных каналов в стенах, так что теперь очень трудно будет это исправлять. В подвале сыро, не сделана гидроизоляция, и сейчас туда нельзя везти бумаги. В сыром помещении они быстро и полностью погибнут. Конечно, говоря, что совершенно не готов. В конце января, когда крыша текла, мы все работы прекратили, только заново перекрыли крышу. Но жить там все равно еще долго будет нельзя.

— И где же тогда вы будете жить?

— Скорее всего, жить мы будем в городе. У нас есть такая возможность, я купила в 1992 году квартиру. Попробуем, по крайней мере, жить там. Надо сказать, что Александр Исаевич никогда не жил в большом городе (в Москве ему жить не давали). Он привык к тишине, к лесу вермонтскому, так что, неизвестно, может быть, придется временно принять предложение кого-то из друзей...

— Сейчас, пожалуй, утраты веры, моральных ориентиров и авторитетов — это одна из самых больших проблем нашей страны, вы это хорошо себе представляете. Как вы считаете, каким образом вновь обрести опору, где искать почву под ногами? Собственно, ведь это главное, вокруг чего идут споры о настоящем и будущем России?

— Да, несомненно, это самый главный вопрос, и все остальное — производные от него. Но тем не менее слишком серьезный это вопрос, чтобы бегло отвечать на него в нашем интервью. Александр Исаевич много размышляет на эту тему, и я уверена, что он много будет слушать и говорить об этом с людьми в России. Несомненно ясно одно: искать решение, выход надо не где-то вовне, со стороны, а внутри самого общества. Когда человек сильно болен, когда не помогают лекарства и все уже,